

Иеродиакон
Никон (Муртазов)

ВОРОН

рассказы

иеродиакон Никон (Муртазов) Ворон

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48766480

Ворон. Рассказы / Иеродиакон Никон (Муртазов): Сатисъ; Санкт-Петербург; 2007

ISBN 978-5-7868-0019-8

Аннотация

В книге иеродиакона Никона (Муртазова) собраны рассказы, посвященные современной русской жизни. Какими бы ни были судьбы героев, в центре каждой судьбы, в центре всей жизни – Божий храм и путь человека к Истине.

Содержание

Ворон	5
Свет	8
Ночной звонок	11
Отвергнутая молитва	14
Старичок	16
Нечаянная Радость	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иеродиакон Никон (Муртазов) Ворон. Рассказы

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозжского

ВЛАДИМИРА

Ворон

Холодный осенний день подходил к концу, я возвращался из соседнего поселка и шел глубоким руслом давно исчезнувшей речки. В том месте, где оно делало поворот, я увидел женщину, собиравшую валежник, – это была Аннета, худая, сгорбленная эстонка. Мы поздоровались, и я спросил ее о здоровье.

– Плохо, – отвечала она, – да какое может быть здоровье, если за плечами 75 лет, заработать не можешь, а кормить некому.

– Но у вас, кажется, есть сын? – осторожно спросил я.

– Сын? Он живет в 60 километрах отсюда, у него больная жена и трое детей, а зарабатывает он так мало, что если иногда навестит меня, то просит дать несколько копеек на пиво. И когда они у меня бывают, я даю... Мне посоветовали пойти в сельсовет и просить там пенсию, но в сельсовете сказали: «У тебя есть сын, и он должен тебя обеспечить, а если он не хочет этого делать, подай на него в суд, и его заставят платить деньги». Это чтобы я жаловалась на своего ребенка? – Аннета дрожащими пальцами полезла в карман старой куртки и, вынув ветхую тряпочку, вытерла слезы.

– Никогда этого не будет, – прошептала она.

Мы молчали, потом Аннета смущенно усмехнулась и сказала:

– В позапрошлом воскресенье в нашу кирху приезжал из города пастор. После службы он сказал очень красивое слово. Все его слушали, и многие плакали. Пастор рассказал о человеке, который ничего не имел и не мог заработать. Но у него была крепкая вера, и он так усердно молился Богу, что Господь услышал его и каждый день посылал ворона, который приносил ему в клюве хлеб.

Когда все люди разошлись, я подошла к пастору и спросила: «Может ли Господь и в наши дни прислать ворона, или так могло быть только в старое время?»

Пастор сказал, что если молиться очень усердно, то Господь услышит и теперь.

Аннета вновь смущенно усмехнулась.

– Я после этого очень молилась и очень просила Господа послать мне своего ворона, но Он не посылает.

Мы опять помолчали, потом я помог Аннете перевязать хворост и, взвалив ей на плечи вязанку, пошел своей дорогой.

На другой день я только было собрался сесть за завтрак, как раздался стук в дверь и на пороге появился маленький согнутый старичок с худым, добрым лицом и молодыми карими глазами. Он весело смотрел на меня и протянул для объятия руки.

Это был мой большой друг, профессор Тартуского университета, мы обнялись, и я долго не мог выпустить его из своих объятий. Потом я помог ему снять вытертую кожаную

куртку, и мы сели за стол.

Приезд друга очень обрадовал меня. Мы проговорили весь день, а потом я вспомнил свою вчерашнюю встречу с Аннетой и рассказал о ней.

Он внимательно меня выслушал, подумал, а потом сказал. «Давайте сделаем так: вы узнаете почтовый адрес Аннеты, а я от имени своей домработницы (т. к. мне хочется сохранить инкогнито) буду ежемесячно посылать ей по 10 рублей. Это немного, но все же подспорье. Посылку денег прекратит только смерть – моя или Аннеты. А пока что вручите аванс». И он протянул мне розовую бумажку.

В тот же вечер я объяснил Аннете, что один человек будет каждый месяц высылать ей по 10 рублей. Она слушала меня со вниманием, но никак не могла взять в толк, за что и почему какой-то незнакомец будет оказывать ей такую услугу.

Наконец, поняв, она сильно разволновалась, веки ее покраснели, она долго ничего не могла сказать, а потом прошептала: «Теперь я вижу, что пастор был прав, когда сказал, что если сильно молиться, то и в наши дни Господь может прислать своего ворона».

После этого Аннета прожила 4 года, и каждый месяц почтальон ей приносил перевод из университетского города Тарту.

Свет

(80-е годы XIX столетия)

Небольшой провинциальный городок на берегу Донца. Тихие, широкие улицы, а на одной из них просторный деревянный дом с зелеными ставнями.

Живет в нем небогатый человек Порфирий Васильевич с большой семьей и вдовым братом, известным всему городу протоиереем о. Александром. Вначале он священствовал в губернском городе, но после смерти жены заскучал и переехал к брату. Это он ему и дом помог поставить, а без его помощи Порфирию Васильевичу своего дома вовек бы не видать. Да и как увидишь, если малых детей 6 человек, а он один добытчик.

Как-то летним вечером семья сидела под старой грушей и ужинала. Вдруг яркая вспышка озарила сад. «Горит где-то близко», – сказал Порфирий Васильевич и поспешил со своим старшим сыном на улицу.

Горело через дом, все растерялись, не зная, что делать, за что хвататься. Первой спохватилась жена Порфирия Васильевича и бросилась в детскую выносить младших детей из кроваток. И их, и ценные вещи понесли к дальним соседям, а тем временем о. Александр вышел на середину двора и, торжественно подняв руки к небу, возгласил: «Господи, со-

храни от огня дом брата моего, а я даю обет поехать в Иерусалим на поклонение Твоему Святому Гробу».

Горело у соседей долго, но все-таки дома отстояли, и к середине ночи на улице уже было все тихо, спокойно.

О. Александр несколько дней оживленно толковал о поездке, даже железнодорожный справочник у городского головы взял, но потом разговоры прекратились, все забылось, и он никуда не поехал.

Прошло 2 года, и вот загорелось рядом с домом Порфирия Васильевича, только огромный сад отделял его от пожара. На этот раз о. Александр не давал никаких клятв, а, всклокоченный, осунувшийся, ходил по двору и, ударяя себя в грудь, шептал: «За грех мой, за то, что обет не исполнил, сгорит братний дом».

Но дом не сгорел, хотя полыхало сильно, – сад спас. Опять возобновились разговоры о поездке в Иерусалим, был назначен маршрут, и опять о. Александр остался дома.

Минул год, и от молнии загорелся купеческий особняк напротив Порфирия Васильевича, пожар был огромный. Дом Порфирия Васильевича уцелел чудом – у него уже и ставни дымились, и угол начал тлеть.

Всей семьей таскали воду, поливали крышу и фасад. Что делал в это время о. Александр? Неизвестно, не до него было.

Утром вся семья собралась за чаем, не было только о. Александра. Вдруг за окном раздался колокольчик, и дорож-

ная тройка остановилась у ворот.

– Кто заказывал лошадей? – забеспокоился Порфирий Васильевич.

– Лошадей заказывал я, – отозвался о. Александр, появившись в дверях в дорожной рясе и со шляпой в руке. – Я сейчас еду на железнодорожную станцию, оттуда в Одессу, а потом в Иерусалим.

Все стояли ошеломленные, а о. Александр подошел к большому образу, висевшему в углу, земно поклонился и проникновенно сказал: «Слава долготерпению Твоему, Господи».

Ночной звонок

Был июнь 1924-го года. Моя единственная дочь Леля лежала в спальне с крупозным воспалением легких. Кризис еще не наступил, температура нарастала, и врач предупредил, чтобы я была ко всему готова.

В кабинете умирал муж. Уже 3 недели он ничего не ел, а только пил ледяную воду, у него был рак желудка. Он лежал в полном сознании, но был так слаб, что не мог уже пошевелиться, и я переворачивала его с боку на бок. Все мои дни проходили в том, что я, как маятник, переходила от одного больного к другому, не зная ни минуты покоя. На ночь приходила Фаиночка, опытная медсестра, и сменяла меня возле больных, тогда я бросалась на диван и моментально засыпала.

Сегодня, как обычно, я поджидала ее прихода и поглядывала на стрелки часов, которые приближались к 12-ти часам ночи.

Вдруг муж сильно застонал, я бросилась к нему, у него начались сильные боли и поднялась рвота. Она меня очень испугала, такой никогда раньше не было. Держа голову мужа, я старалась ему помочь, и в это время у входной двери раздался сильный звонок. Кто-то, не отпуская, держал кнопку звонка, и резкий звук наполнил всю нашу огромную комнату. Кроме меня подойти было некому, так как все соседи

разъехались: кто на дачу, а кто в отпуск. Оставить мужа я не могла, он был так изнурен, что лежал передо мной как мертвый, и только черная струйка безостановочно стекала из уголка его рта.

Я с отчаянием смотрела на его лицо, вытирала липкую струйку, а звонок все звонил и звонил.

Наконец мне показалось, что лицо мужа стало спокойнее, и, оставив его, я пошла длинным широким коридором в переднюю.

Звонок продолжал звонить, но, когда я приблизилась к входной двери, он умолк. Совершенно не анализируя свои действия, я широко распахнула дверь и, не выпуская ручки, стала у порога. Никого не было, я уже хотела ее закрыть, как увидела человека, собиравшегося звонить в соседнюю квартиру. Он быстро обернулся в мою сторону. Я разглядела клетчатую кепку на его голове, худое лицо и сверкающие, полные дикой злобы глаза. Он не сводил с меня гипнотизирующего взгляда. Медленно, приседающей походкой, не шел, а как будто полз ко мне. Я стояла не шевелясь, вся во власти его страшных глаз. А он подходил все ближе и ближе, его рука уже коснулась двери, я почувствовала его дыхание и вдруг, сама не зная как, с силой захлопнула дверь и упала на пол.

До меня донеслось проклятие, а я лежала и тряслась в страшном ознобе. Не знаю, сколько длился мой припадок, но потом я встала и, шатаясь, подошла к мужу.

Войдя в кабинет, я застыла от удивления: мой умирающий муж сидел на кровати, свесив на пол ноги, и лицо его было полно дикого ужаса. Увидев меня, он протянул мне руку: «Нина, ты жива? Сейчас смерть твоя за тобой приходила».

Я подбежала к нему, уложила и принялась успокаивать.

Но он не слушал, а что-то тихо, взволнованно шептал.

Опять раздался звонок, но осторожный, негромкий. Я подошла к двери. «Кто?» – «Откройте, Нина Владимировна!» – услышала я голос нашего управдома. Открыла. На пороге двое штатских, управдом и милиционер. «Скажите, к вам кто-нибудь приходил недавно?» – спросил штатский. Я рассказала, как все было.

«В нашем доме прячется опасный преступник, – объяснил он мне, – который сейчас бежит по этажам и звонит во все квартиры в надежде, что его кто-нибудь пустит, но мы идем по пятам, и дом весь оцеплен».

Вскоре пришла Фаичка. Мужу сделалось хуже, он потерял сознание, и к утру его не стало.

Один очень духовный человек объяснил мне много лет спустя, когда я рассказала ему эту историю, что умирающим открывается духовное видение, они прозревают духовно и видят то, что скрыто от простых окружающих.

Отвергнутая молитва

Старый рыбак с Чудского озера с двумя сыновьями и зятем поехал на рыбалку.

После удачного лова они сели выпить и закусить. Старик всегда выпивал крепко, а тут, видимо, перебрал. Улегся на берегу поспать после выпивки и не проснулся, умер.

Привезли покойника домой, потужили, отпели и похоронили. Все честь по чести сделали – и столы были, и сорокоуст заказали, но на душе у родных тяжелый осадок остался. Нехорошо старик умер – пьяный. Думали, думали родные и, собрав сто рублей, послали их вместе с письмом на Старый Афон. Просили монахов молиться о новопреставленном.

Минул год, и пришло письмо, пишут монахи, что вот молились за вашего покойника, а молитва наша Господом не принята. Погоревали родные и послали еще сто рублей и слезную просьбу: «Помолитесь, отцы, поусерднее, может быть, Господь смилостивится над старичком».

Пошел второй год, с Афона письмо получают родные и перевод на 200 рублей. В письме отцы пишут: «Молились 2 года о вашем усопшем, но, видимо, очень большой грех на нем, и потому одной нашей молитвы за него недостаточно, возвращаем вам деньги и советуем: купите на них корма для птиц небесных и еды для всяких зверей и разбросайте по полям и лесам. Может быть, звери и птицы сумеют умолить

Господа, и Он смилостивится над грешником».

Старичок

Этот рассказ я слышала от покойной Олимпиады Ивановны.

Передавая его, она волновалась, а сын, о котором шла речь, сидел рядом с ней и утвердительно качал головой, когда в некоторых местах рассказа она обращалась к нему за подтверждением.

Вот что я от нее услышала:

«Ване было только 7 лет, шустрый он был, понятливый и большой шалун. Жили мы в Москве, на Земляном валу, а Ванин крестный – наискось от нас в пятиэтажном доме. Как-то вечером я послала Ванюшу к крестному пригласить на чай. Перебежал Ваня дорогу, поднялся на 3 этаж, а так как до звонка у двери достать не мог, то он стал на лестничные перила и только хотел протянуть к звонку руку, как ноги соскользнули, и он упал в пролет лестницы.

Старый швейцар, сидевший внизу, видел, как Ваня мешком упал на цементный пол. Старик хорошо знал нашу семью и, увидев такое несчастье, поспешил к нам с криком: «Ваш сынок убился!»

Мы все, кто был в доме, бросились на помощь Ване, но, когда подбежали к нему, увидели, что он сам медленно идет нам навстречу.

– Ванечка, голубчик, ты жив? – схватила я его на руки. –

Где у тебя болит?

– Нигде не болит, просто я побежал к крестному и хотел позвонить, но упал вниз. Лежу на полу и не могу встать. Тут ко мне подошел старичок, тот, что у нас в спальне на картине нарисован. Он меня поднял, поставил на ноги, да так крепко, и сказал: “Ну, ходи хорошо, не падай”. Я пошел, вот только никак не могу вспомнить, зачем вы меня к крестному посылали.

После этого Ваня сутки спал и встал совершенно здоровым. В спальне же у меня висела икона прп. Серафима».

Нечаянная Радость

1921 год. Константинополь. Я и Надя живем в полутемной комнате, окна которой обращены на убогую. Мы эмигранты, бежали из России. У Нади маленький сын, которого ей удалось устроить в приют, а у меня никого: муж убит на бронепоезде, и я одна во всем мире.

Вещи все прожиты, да у меня их и не было, а жила на Надины средства, но сейчас и у нее ничего нет, и мы с ней вот уже 3 дня, как ничего не ели. Только сунем палец в соль, пососем и ляжем на нашу широкую общую кровать.

Что делать? Надя иногда находит себе работу, потому что знает иностранный язык, а я не знаю, и меня никто не берет. Зато купить нас стараются многие, и мы так напуганы наглостью окружающих людей, что боимся всех и упросили нашу хозяйку, старую толстую турчанку, никого не впускать к нам. Даже адреса своего никому не даем, так боимся. Ведь нас недавно чуть не продали в публичный дом свои же соотечественники, и случайно спас нас французский офицер.

Как мне хочется умереть. Надя верит в Бога и в то, что наша жизнь изменится к лучшему.

Я в Бога верю тоже, но Он забыл нас.

Мне надоело лежать, опротивели грязные стены, и я, хоть и боюсь Константинополя, встаю, надеваю свой единственный костюм и выхожу на улицу.

Иду и пошатываюсь от слабости, но на улице мне легче.

Вдруг кто-то схватил меня за руку. Коля! Товарищ мужа по бронепоезду. Здороваемся. Рассказываем о своих печалях. Он предлагает отвезти меня к знакомому купцу Н-у, который открыл ресторан для эмигрантов, и попросить меня принять на работу.

– Эх, пока работа найдется, мы с Надей умрем с голоду, ведь мы ничего не ели, – вырывается у меня.

– Мария Николаевна, и Вы молчите?! Вот, возьмите, – волнуется Коля и сует мне лиру.

– А еще есть? – спрашиваю я.

Коля мнется:

– Ну, допустим, нет.

– Тогда я не возьму.

Мы долго препираемся и наконец делаем так: мы с Колей покупаем на все деньги хлеба, одну треть он берет себе, а с двумя я бегу домой.

– Надя! – кричу я в дверях. – Хлеб!

Мы едим мягкую душистую булку и не можем насытиться.

– Ангельский хлеб, – проговорила Надя, набивая себе полный рот.

Она довольна и уже полна бодрости. А у меня опять тяжело на душе, и я не хочу идти к Колиному купцу: мне так не везет в жизни, что, конечно, и теперь постигнет неудача.

Все-таки Наде удастся уговорить меня, и я иду к Н-у.

Как я и думала, получила холодный отказ: «Все места за-

няты». Ах, к чему стоило унижаться!

Лежу и плачу. Наде опять посчастливилось найти работу, а я снова должна висеть у нее на шее. Сколько же может тянуться такое существование? Хватит! Мне остается только один выход – Босфор. На дне его уже много таких.

Эту ночь я сплю почему-то очень крепко, а под утро вижу сон: темная комната, в углу сияющий образ Царицы Небесной, и от него голос: «В эту пятницу пойдешь в церковь».

Просыпаюсь, на душе радостно, святость. Долго лежу и переживаю увиденное. Потом поднимаюсь и принимаюсь тормошить Надю.

– Послушай, какой я необыкновенный сон видела, проснись, пожалуйста!

Надя трет глаза и ничего не понимает, но мой рассказ быстро приводит ее в себя.

– Какой дивный сон, – восторженно шепчет она, – это Царица Небесная предвещает тебе что-то хорошее. Подожди, а нет ли в эту пятницу праздника?!

Надя хватает единственную книгу, вывезенную из дома, – «Жизнь Пресвятой Богородицы» – и начинает ее читать. Сегодня вторник, значит, в пятницу будет праздник в честь иконы «Нечаянная Радость». Первое мая.

Весь день я хожу окрыленная надеждой, но к вечеру снова приходит тоска. Что такое сон и разве ему нужно верить? Только чтобы не расстраивать Надю, иду в пятницу в нашу посольскую церковь.

Отошла литургия. Где же чудо? Чуда не было.

Иду домой и ничего не вижу от слез, вдруг над ухом голос Коли:

– Мария Николаевна! Я ищу Вас по всему городу. Что за манера такая – не давать никому своего адреса? Я ведь с ног сбилсЯ, а сегодня пришел сюда, думаю: вдруг Вы в церкви. Идемте скорее к Н-у, он меня за Вами послал.

– Опять идти к этому толстосуму? Ни за что!

– Но у него произошла какая-то перемена, он сам приходил ко мне и умолял найти Вас.

Наконец я согласилась, хотя прекрасно понимала, что из этого ничего не выйдет.

Н-к встречает нас, как самых дорогих гостей, приглашает в комнату, знакомит с женой, а потом говорит:

– Выслушайте меня, многоуважаемая Мария Николаевна, а затем судите, как хотите. Я Вам отказал в работе потому, что все места официанток у меня были заняты, а другой работы у меня не было. Отказал и успокоился, ведь формально я был прав. Однако настала ночь, и снится мне, что стою я перед образом Царицы Небесной и слышу от нее голос, да такой грозный, что я затрепетал весь: «Ты, слышу, не дал работы пришедшей к тебе женщине, она может погибнуть, и ты будешь виновен».

Проснулся я ни жив ни мертв. Сама Царица Небесная на Вашу защиту встала. Едва утра дождался и скорее к Николаю Петровичу пошел.

– Приведи, – прошу его, – Марию Николаевну, а он отказывается. Не знает, где Вас искать. Уж мы с женой волновались, сказать не могу, но, слава Богу, Вы пришли.

А я уж присмотрел, что столы можно немного потеснить в зале и еще один поставить, а два вынесем на улицу у входа, так что работа Вам найдется, и очень прошу завтра же приступить к ней. Я Вас поставлю старшей официанткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.